

Юрий
ВЯЗЕМСКИЙ

Пушки
привезли

Рассказы и повести

Москва
МИО-БУКС
Мир и Образование

ОТ АВТОРА

Эти рассказы и повести были написаны мною давно, некоторые — почти сорок лет назад. С тех пор многое изменилось в окружающей нас жизни: нет теперь пионеров и комсомольцев; дети учатся в школе одиннадцать, а не десять лет; исчезли бесконечные очереди перед магазинами и в магазинах и многое другое. Но внутренне, в глубине души нашей, так ли уж мы изменились за эти минувшие годы? Мы так же любим и ненавидим, так же радуемся и огорчаемся, надеемся и верим. В сущности, ко времени приспособливается и изменяется только глупость, а ум остается постоянным и независимым — таким, каким был он и сорок лет назад, и во времена Достоевского, и в Древней Греции. Вот я и решил ничего не менять в своих ранних сочинениях.

Сравнительно недавно я переиздал некоторые из своих ранних сочинений. Я думал: может, кто-то заинтересуется, ну, скажем, такие, как я, которые помнят былые времена и которые жили в стране под названием СССР.

И вот представьте себе: мою книгу стали покупать люди, никогда в СССР не жившие. Покупали и читали чуть ли не охотнее, чем нынешние мои романы. Каждый из читателей, с которыми мне удалось встретиться и поговорить, находил в этих старых вещах что-то свое, особенно ему понравившееся. Некоторые даже упрекали меня в том, что я так долго не переиздавал свои сочинения. А многие молодые читатели призна-

ОТ АВТОРА

вались, что не заметили никакой разницы во времени и что герои мои не только не устарели, а, в каком-то смысле, чуть ли не забегают вперед, предвещая собой новые, только еще возникающие типы людей и характеров.

Я подумал: почему бы не рискнуть и не предложить мои работы новым читателям! Ведь я всегда старался писать, прежде всего, о той Тайне, которую каждый человек в себе заключает и которую либо мучительно и радостно открывает, либо трусливо пытается скрыть.

Боюсь показаться нескромным, но, наученный прежним опытом, все же скажу: рассказы и повести, которые я предлагаю Вашему вниманию, настолько различны по форме и содержанию, что я почти не сомневаюсь — по крайней мере какая-то одна вещь Вам обязательно понравится и увлечет, или заде-нет за живое, или, как сейчас говорят, *зацепит*.

Сборник этот я назвал «Пушки привезли». Извольте, объяснюсь: во-первых, потому что так называлась моя самая первая повесть; во-вторых, почти каждый рассказ — и уж точно каждую повесть из этой книги — можно, в широком смысле, назвать «Пушки привезли».

Наконец, в нашей неvirtуальной жизни рано или поздно нам, образно говоря, ПРИВОЗЯТ ПУШКИ. И мы простодушно удивляемся: за что же?! беспечно забыв о том, что за все в этом лучшем из миров приходится платить: и за горе, которое мы причинили людям, и за счастье, которое мы жадно и радостно отняли у жизни, и даже за веру, надежду, любовь и тем паче — за мудрость...

*Искренне Ваш,
Юрий Вяземский*

РАССКАЗЫ

Икебана на мосту

7

Ночной сторож

23

Дом на углу Дельфинии

34

Странный мальчик

47

Так, например,
полностью оборвалась связь с Тиролем

66

Прокол

88

Этюд на органическое молчание

106

Рассказ

118

«Аппарат Фогельмана»

139

Бэстолочь

151

Цветущий холм среди пустого поля

160

ИКЕБАНА НА МОСТУ

Я посмотрел на часы. Без двадцати пяти семь. Рано пришел. Но я боялся опоздать. Я любил тебя ждать, замечать вдалеке твою фигуру, следить за тем, как ты идешь мне навстречу, помахивая одной рукой и чуть наклонив голову набок, как ты улыбаешься мне издали. Поэтому я всегда приходил на место нашей встречи раньше, чем мы договаривались. А ты почти всегда опаздывала.

Когда мы с тобой познакомились, этого моста ещё не было. Мы перебирались друг к другу через реку в обход, по другому мосту, по которому ходили трамваи. Давно это было...

Ты помнишь, мы проучились в одном классе целых три года и лишь за три месяца до окончания школы заметили друг друга. То есть я-то тебя заметил намного раньше, но мне и в голову не могло прийти, что у нас с тобой может «что-то получиться», как тогда мы говорили. Ты была такой взрослой, независимой, у тебя было много кавалеров и почти все старше тебя. Был даже, по-моему, один женатый или разведенный. А я был маленький и смешной и играл дома на виолончели.

Поэтому, хотя я давно был к тебе равнодушен, мое равнодушие носило характер немого обожания, смешанного с неприязнью, и смотрел я на тебя не как на девчонку, которую можно было пригласить в кино, на танцы, взять за руку, поцеловать — Боже упаси! — а как на недостижимое, насмешливое, часто злое божество. Вдобавок ко всему, я тебя боялся физиче-

ски: ты была решительна и неразборчива в поступках и при случае могла заехать по физиономии.

Я предпочитал дружить с другими девочками, с которыми я мог пойти в театр, на концерт классической музыки; с ними мне было свободно и просто, и, главное, с ними не надо было целоваться. Тем более что часто вместе с нами ходила моя бабушка.

На летние каникулы перед десятым классом я поехал отдыхать на дачу к другу. Он был старше меня на четыре года, уже успел вкушать многие удовольствия и невинные пороки юности, а кроме того, имел давнишнее намерение серьезно заняться моим воспитанием. К чести или ко стыду его будет сказано, он весьма преуспел в последнем. Я довольно скоро научился играть на гитаре (виолончель мне в этом сильно помогла), обращаться с магнитофоном, пить вино и целоваться с девушками.

Когда я пришел в школу, мои одноклассники сразу же заметили произошедшую во мне перемену и почти все одобрили ее, за исключением тех девочек, с которыми я ходил в театр и на концерты. Одна лишь ты никак не оценила моего развития.

— Да бросьте вы, ничуть он не изменился. Такой же счастливый розовый поросенок! — сказала ты.

Все тогда на тебя разозлились: ребятам стало обидно за меня. Но тебя это ничуть не тронуло: в школе ты почти ни с кем не дружила. А я понял, что безнадежно влюблен в тебя.

Прошли полгода, за которые я ни разу не сходил в театр или на концерт классической музыки, зато меня все чаще стали приглашать на дни рождения и школьные вечеринки. Мой гитарный репертуар разросся, а вместе с ним возросла и моя популярность в школе. На виолончели я играл все реже.

На некоторых вечеринках я встречал тебя и каждый раз все сильнее влюблялся. Признаться же тебе в своих, как мне тогда казалось, святотатственных чувствах, просто заговорить с тобой я не смел. С каждым днем видеть тебя в школе мне становилось все мучительнее и радостнее.

ПОВЕСТИ

Пушки привезли

195

Шут

328

«Банда справедливости»

422

Но березы в чем виноваты!

508

ПУШКИ ПРИВЕЗЛИ

— ИРИНА, РАДОСТЬ МОЯ, Я ВАС УЖАСНО ЛЮБЛЮ, Я ВАС ОБОЖАЮ, — *говорит Сергей.* — *НО ЕЩЕ СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ Я ЛЮБЛЮ ВАС, Я НЕНАВИЖУ КРАСНЫХ. И ЭТА НЕНАВИСТЬ СИЛЬНЕЕ ЛЮБВИ. ТО ЕСТЬ Я ХОЧУ СКАЗАТЬ, ЧТО ПОКА МЫ НЕ ИЗГОНИМ НАШИХ ВРАГОВ СО СВЯЩЕННОЙ ЗЕМЛИ РУССКОЙ, МЫ НЕ СМОЖЕМ С ВАМИ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫ. ПОНИМАЕТЕ ЛИ ВЫ МЕНЯ? ГОСПОДИ, СПОСОБНЫ ЛИ ВЫ ПОНЯТЬ?*

— *Я ПРЕКРАСНО ВАС ПОНИМАЮ,* — *отвечает Ирина жарким шепотом.* — *И Я НА ВСЕ СОГЛАСНА. ОБ ОДНОМ ЛИШЬ МОЛЮ ВАС: ВОЗЬМИТЕ МЕНЯ С СОБОЙ НА ФРОНТ.*

— *НЕТ, ИРИНА, ВЫ НЕ МОЖЕТЕ СО МНОЙ ЕХАТЬ. НА ФРОНТЕ — НЕНАВИСТЬ, А ВЫ — ЛЮБОВЬ И НЕ МОЖЕТЕ БЫТЬ ТАМ,* — *говорит Сергей и страстно сжимает Ирину в объятиях.*

«Кошмар какой-то. Это же невозможно играть, — подумал Кирилл. — Такую дуру, как эта Ирина, не только обнять, ее ударить-то противно. Впрочем, Сергей не лучше. Просто кретин... Неужели они хотят, чтобы я произносил этот идиотский текст?!»

«Зоя Николаевна умерла», — вдруг подумал Кирилл.

Дима Стрельчик сообщил сегодня о ее смерти. Позвонил утром по телефону, назвался и сразу же: «Почему ты не пришел на похороны Зои Николаевны? Тебя что, в Москве не бы-

ло?» В первый момент Кирилл ничего не понял: ни кто такой Дима Стрельчик, ни кто такая Зоя Николаевна и почему, собственно, он, Кирилл, должен был прийти на ее похороны. Слава богу, не признался в своем непонимании, а лишь сказал, что не знал о ее смерти. «Она умерла четыре дня назад, — пояснил Дима. — Вчера ее похоронили. Я был уверен, что ты придешь».

«А от чего она умерла?» — спросил Кирилл, все еще не понимая, с кем разговаривает и кто умер. «От рака желудка», — сказал Дима.

И тут Кирилл наконец понял. Ну конечно же Зоя Николаевна. Господи! Зоя Николаевна! Подумать только!.. А это — Дима Стрельчик, его бывший лучший друг, с которым он жил в одном доме, которому был обязан своим поступлением в училище и до сих пор должен ящик коньяка... Как умерла? Неужели уже умерла? Зоя Николаевна умерла?!

Кирилл был так удивлен этой новостью, что долго молчал, не зная, что сказать. А Дима Стрельчик неправильно истолковал его молчание. «Алло, Кирилл. Ты что, не узнал меня?.. Да это я, Димка Стрельчик! Мы с тобой когда-то в одном доме жили. Димка Стрельчик, неужели не помнишь?»

Зря он так. Будто он, Кирилл, мог забыть, кто такой Дима Стрельчик. Что это — злая ирония? И зачем она в подобный момент? Нет, Дима Стрельчик не был способен на такое. Просто он боялся, что Кирилл может не узнать его. Чудак-человек. Димку-то Стрельчика?

«Жаль, что Зоя Николаевна умерла», — подумал Кирилл. В коридоре зазвонил телефон. Кирилл отложил в сторону сценарий, встал с дивана, всунул босые ноги в шлепанцы и, направляя на ходу пояс на халате, побрел в коридор. «Только бы не Серафима. Ради всего святого, только бы не Серафима!» — мысленно попросил он, подходя к телефону.

Это была Серафима, ассистент режиссера, большеглазое существо женского пола, на вид очень хрупкое, тоненькое и роб-

кое, но обладавшее дьявольским терпением и воистину божественной вездесущностью. От нее невозможно было скрыться. Если актер ей был нужен, она находила его, где бы тот ни прятался. Про нее ходили слухи, что однажды один актер попытался избежать Серафиму в парной Центральных бань, но она его и там отыскала. Кирилл очень живо мог себе представить, как неожиданно дверь в парилку распаивается, на пороге стоит смущенная Серафима и извиняющимся голосом певуче и ласково произносит, скажем: «Вовочка, это вы? Вы нам очень нужны».

— Кирилл, вы нам очень нужны, — пропела Серафима.

Кирилл обреченно вздохнул и, сев на маленький стул, стоявший возле телефона, чуть слышно спросил:

— Когда?

— Завтра утром. В Елизово.

— Что?! Завтра утром?! В Елизово?! — вдруг закричал Кирилл. — Нет, это невозможно! Это абсолютно невозможно! У меня съемки на «Мосфильме».

— Кирилл, вы нам очень нужны, — ласково и певуче повторила трубка.

— Да мало ли кому я нужен! На «Мосфильме» я тоже нужен. Почему вы считаете, что я должен ехать именно к вам, на эту дурацкую...

— Кирилл, дорогой, не надо так нервничать. Мы специально для вашей сцены заказали триста солдат, кавалерию.

— Послушайте, Серафима, я вас с самого начала...

— Кирилл, пушки уже привезли.

— Что за черт? Какие пушки?!.. Да я вам русским языком говорю: я завтра занят! У меня съемки в «Похищенном золоте».

— Кирилл, зачем вы меня обманываете? — обиженно пропела трубка. — Вы завтра не заняты в «Похищенном золоте». Я проверяла. Мне сказали, что вы свободны.

— Ну значит, я перепутал. Значит, у меня завтра не «Похищенное золото», а озвучание на студии Горького. Ну да, конечно, на Горького! Я же помню, что...